

— Пощадите, князь! — истошно закричала служанка. — Это всё А-Инь! Я сама слышала: Благородный супруг Шэнь приказал ей подсыпать яд!

Янь Юйчэнь резко остановился.

— Которая из вас А-Инь?

Евнухи и служанки как один обернулись, указав взглядами на хрупкую, невзрачную девушку.

А-Инь в ужасе смотрела на приближающегося шаг за шагом князя Дуаня. Все в империи знали, что Янь Юйчэнь — человек утончённый, статный и великодушный. Служанка не раз тайком вздыхала, обсуждая с подругами, какой счастливнице суждено стать его супругой. Но сейчас, глядя на его неумолимое приближение, она видела перед собой лишь карающего демона, сошедшего из глубин преисподней. От дикого страха у неё перехватило дыхание, а голос пропал.

Юйчэнь смерил её ледяным взглядом сверху вниз:

— Заговоришь сама или мне помочь?

Губы А-Инь задрожали. Не выдержав давления, она разрыдалась и принялась иступленно биться лбом о каменные плиты:

— Пощадите, Ваше Величество! Пощадите, князь! Это Благородный супруг Шэнь! Он заставил меня!

— Мы с Ин Сю, служанкой Императрицы, вместе попали во дворец и дружили... Сегодня в полдень, когда она несла Императрице сливовый отвар, я нарочно её отвлекла и подсыпала в чашу любовное зелье... Меня заставил Благородный супруг Шэнь! Он грозился убить моих родителей, если я откажусь! Пощадите, Ваше Величество, умоляю, сжальтесь!

В зале воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь жалкими всхлипами обезумевшей от страха девчонки.

— Все улики налицо, свидетели тоже, — Янь Юйчэнь повернулся к Шэнь Кэ. Его голос звучал ровно и бесстрастно. — Будут ли оправдания, Благородный супруг Шэнь?

Шэнь Кэ пошатнулся, но лишь крепче стиснул зубы, не проронив ни слова.

Император прикрыл глаза, тяжело вздохнул и сквозь зубы выдавил:

— Зачем? Зачем ты это сделал, Шэнь Кэ?

— Зачем? Ваше Величество ещё спрашивает, зачем?! — Шэнь Кэ вдруг хрипло расхохотался. Вся его былая кротость и невинность испарились без следа. Лицо исказила гримаса бешеной, копившейся годами ненависти. Он уставился прямо на Янь Юйсюаня: — В детстве ты обещал, что я стану твоим единственным мужем! Но корону Императрицы ты отдал Линь Цзиньчжи! Когда мы снова встретились на юге, ты божился, что любишь только меня. И что потом? Этот паршивый выскочка разыграл дешёвую драму, и ты снова приполз к нему!

— Он ведь всего лишь жалкая тень, дешёвая замена! С какой стати он смеет забирать тебя у меня?! — сорвался на визг Шэнь Кэ. Глаза его налились кровью. — Я ненавижу его... Ненавижу! Хочу, чтобы он сдох!

Янь Юйсюань ошеломлённо застыл.

Человек перед ним казался абсолютно чужим. Это искажённое злобой, безумное лицо не имело ничего общего с тем робким, нежным Сяо Кэ'эром, которого он помнил и любил.

Или того чистого, подобного лунному свету юноши из его воспоминаний никогда и не существовало вовсе?

Волна сокрушительного разочарования накрыла Императора с головой. Ему стало физически тошно смотреть на Шэнь Кэ. Отворотившись, он устало махнул рукой. Командир Лю Пинлоу мгновенно всё понял: вместе с другим гвардейцем они грубо перехватили Шэнь Кэ под руки. Тот отчаянно извивался, не отводя безумного взгляда от Янь Юйсюаня, и хрипло кричал во весь голос:

— Ваше Величество! Ты обещал сделать меня Императрицей! Ты клялся, что будешь любить меня вечно!..

За покушение на жизнь Императрицы Шэнь Кэ лишили титула Благородного супруга и под конвоем отправили обратно в столицу. Отныне его пристанищем до конца дней должен был стать холодный и заброшенный Холодный дворец.

Предательство любимого подкосило Императора. Несколько дней он не показывался на людях, с головой ушедши в государственные дела. Тан Цзю тоже пришлось несладко: из-за остаточного действия зелья он двое суток провёл в полузабытьи. Лишь на третий день к нему вернулись силы. Ощущая неприятную липкость во всём теле, он первым делом отправился к горячим источникам временного дворца Ишуй.

Этот природный термальный источник был искусно обустроен: его окружали живописные

валуны и декоративные деревья, создававшие атмосферу уединения и покоя. В воду добавляли редкие целебные травы, улучшающие кровообращение и возвращающие силы. Купальня предназначалась исключительно для членов императорской семьи, поэтому никто не смел нарушить здесь покой.

Отослав слуг, Тан Цзю сбросил одежды и погрузился в блаженное тепло. С его губ сорвался тихий вздох облегчения. Он откинулся на гладкий валун у края бассейна и зажмурился от удовольствия.

«Сколько верёвочке ни виться, а концу быть. Правду говорили древние: роя другому яму, сам в неё непременно упадёшь»

«Хотя в этот раз я и сам знатно натерпелся...»

Вода приятно расслабляла тело, убаюкивая и унося остатки мыслей. Тан Цзю уже начал погружаться в сон, как вдруг сквозь пар до его слуха донеслись тихие, размеренные шаги.

Он недовольно нахмурился, не открывая глаз:

— Разве я не приказал никого не впускать?

Ответа не последовало. Незнакомец продолжал неторопливо приближаться, пока не остановился у самого края воды. Тан Цзю распахнул глаза и сквозь пелену горячего пара сразу же узнал высокую, статную фигуру Янь Юйчэня.

Тан Цзю лишился дара речи.

При виде князя воспоминания о недавнем безумии вихрем ворвались в сознание. Кончики ушей Тан Цзю мгновенно запылали. Смутившись, он поспешно отвернулся и погрузился в воду по самый подбородок, силясь скрыть неловкость.

— Что... что ты здесь делаешь?

— Слышал, здешняя целебная вода творит чудеса, вот и решил опробовать, — отозвался Янь Юйчэнь с абсолютным спокойствием, будто действительно пришёл просто помыться.

Он уверенно и быстро принялся снимать одежды. Услышав шуршание ткани, Тан Цзю не удержался и скосил глаза в его сторону — как раз в тот момент, когда князь сбросил нижнюю рубаху, обнажив широкие, рельефные плечи и крепкую грудь.

«Пресветлые боги! Что за фигура... Каждая линия, каждый мускул — просто загляденье!»

Тан Цзю сглотнул подступивший к горлу ком и заворожённо уставился на мужчину, забыв даже отвести взгляд. Юйчэнь такое внимание ничуть не смутило. Напротив, он совершенно непринуждённо стянул последние покровы.

Взгляд Тан Цзю невольно скользнул ниже.

«Ого... Ничего себе размерчик...»

Осознав, на чём именно завис его взгляд, Тан Цзю вспыхнул до корней волос. Он резко отвернулся и зажмурился, выдавив заикающимся голосом:

— Ты... ты что творишь?!

Заметив его пунцовые уши, Юйчэнь тихо, бархатисто рассмеялся:

— Как видишь, собираюсь искупаться.

— Неужели нельзя было подождать, пока я уйду?!

— Бассейн огромный, места обоим хватит с лихвой, — отозвался князь и плавно вошёл в воду, подняв лёгкую волну.

Тан Цзю сидел с закрытыми глазами. Спустя минуту, не услышав больше ни звука, он с опаской приоткрыл одно веко — и тут же испуганно отшатнулся. Мужчина успел бесшумно подобраться к нему вплотную!

В просторных шёлковых одеяниях разница в их телосложении не бросалась в глаза, но сейчас, когда оба были наги, она казалась колоссальной. Высокий, широкоплечий Янь Юйчэнь обладал безупречной фигурой: его мышцы не были чрезмерно раздуты, как у наёмных силачей, но в каждом изгибе угадывалась литая, опасная сила. Физически он превосходил хрупкого Линь Цзиньчжи как минимум вдвое.

Вода в источнике вдруг показалась нестерпимо горячей, а воздух между ними словно наэлектризовался. Тан Цзю попятился назад, пока не упёрся лопатками в шершавый камень. Не смея поднять глаз, он пробормотал:

— Ты... чего тебе нужно?

— Хочу спросить, — тихо произнёс Янь Юйчэнь, склонившись ближе. — Слова, что ты сказал мне в тот день... они ещё в силе?

Тан Цзю решил прикинуться дурачком:

— Какие ещё слова? Я ничего не помню.

«Да как тут забудешь!»

Пусть разум тогда и затуманило сильное зелье, подробности той близости врезались в память до мельчайших деталей. Последние пару дней он то и дело ловил себя на том, что прокручивает те жаркие мгновения в голове...

«Но нельзя давать слабину! Если я решил держаться от него подальше, то любые игры нужно прекращать прямо сейчас. Главное — не поддаваться на его уловки, молчать и гнуть свою линию до конца, тогда...»

— Если ты твёрдо вознамерился играть со мной в прятки, — наигранно вздохнул Янь Юйчэнь, — мне придётся помочь твоей памяти делом.

Тан Цзю и пикнуть не успел, как мужчина отрезал ему путь к отступлению. Сильная обнажённая рука легла на валун рядом с его головой, заперев юношу в ловушке между горячей грудью князя и каменной стеной. Юйчэнь смотрел на него сверху вниз, и в его полуприкрытых глазах плясали смешинки.

— С какого момента начнём восстанавливать хронологию?

Тан Цзю упёрся ладонями в его широкую грудь, чувствуя, как под кожей бешено колотится сердце.

— Не смей! Не смей этого делать!

— Если боишься, просто ответь на вопрос.

— Но на этот раз скажи мне это на трезвую голову, — Юйчэнь вглядывался в его лицо. За напускной властностью и наглостью скрывались едва уловимое волнение и трепетное ожидание. — Цзиньчжи... ты любишь меня?

«Вода слишком горячая...» — крутилось в голове у Тан Цзю. Но даже в этой сладкой полудреме, поддавшись магии момента, его сердце отозвалось мгновенным и неоспоримым: «Люблю».

Да и как можно было его не любить? С самой их первой встречи этот невыносимый человек постоянно дразнил его, провоцировал и проверял на прочность. Но за этой маской скрывались искренняя забота, нежность и готовность закрыть собой от любой опасности.

Ему впервые в жизни встретился кто-то настолько преданный, готовый отдать за него всё. Разве можно было устоять?..

— Ну же? Скажи мне, — нежно шепнул мужчина, словно баюкая.

Глядя в эти глубокие, полные немого обожания глаза, Тан Цзю вдруг устал сопротивляться.

Как бы он ни бежал от реальности, как бы ни лгал самому себе и ни пытался оттолкнуть этого человека — глупо отрицать очевидное. Он пропал. Окончательно и бесповоротно.

И Тан Цзю решил сдаться.

— Люблю, — едва слышно прошепел он. От волнения пересохло в горле. Опасаясь, что князь не расслышал, Тан Цзю набрал в грудь воздуха и повторил уже громче: — Люблю я тебя.

В то же мгновение глаза Юйчэня вспыхнули ярким, безумным светом искренней, детской радости. Вся его привычная снисходительность и светский лоск испарились без следа. Сейчас он выглядел мальчишкой, получившим самый заветный подарок в жизни. Настоящий, искренний, без масок и притворства.

Князь порывисто наклонился к его губам, но Тан Цзю успел упереться ладонью в его подбородок. Юйчэнь не рассердился. Он лишь мягко перехватил тонкие пальцы юноши, поднёс их к своему лицу и нежно прикусил кончик указательного пальца, глядя на возлюбленного с ласковым прищуром:

— М-м? Что не так?

— Ты... ты не мог бы вести себя не так напористо? — Тан Цзю попытался высвободить руку и смущённо отвёл взгляд.

Каждое их объятие напоминало ураган. Юйчэнь целовал его так яростно, будто хотел поглотить целиком, не давая вздохнуть. Тан Цзю всерьёз опасался, что однажды просто лишится чувств от нехватки воздуха.

Юйчэнь тихо рассмеялся, мгновенно уловив суть его жалобы.

— Хорошо. Обещаю быть самым нежным. Позволишь?

Тан Цзю, густо покраснев, едва заметно кивнул и зажмурился. В ту же секунду тёплые, влажные губы ласково коснулись его собственных.

Князь сдержал слово. Его поцелуй был невесомым, дразнящим: он бережно очерчивал контур губ, пока мягко не проник внутрь, увлекая за собой в неторопливый, сладкий танец. Почувствовав, что дыхание юноши сбивается, он понимающе отстранился на миг, но напоследок сладко прикусил его верхнюю губу, не в силах прервать этот контакт до конца.

— Так лучше? — хрипло выдохнул он в самые губы.

От былой величавой холодности Императрицы не осталось и следа. Лицо Тан Цзю горело лихорадочным румянцем, затуманенный взор блестел из-под ресниц, а из груди вырвался лишь тихий, согласный стон.

Юйчэнь с нежной улыбкой коснулся губами кончика его носа и прошептал:

— Тогда... можно ещё один?

Даже вернувшись в павильон Светлой Бирюзы, Тан Цзю никак не мог остудить пылающие щеки. Он изо всех сил потёр лицо ладонями, добежал до постели и плашмя рухнул на неё, спрятав лицо в мягкие подушки.

Стоило перед глазами снова возникнуть картине из купальни, как его охватывал жгучий стыд пополам с щемящей, глупой нежностью. Губы сами собой расплывались в счастливой улыбке.

Он прекрасно понимал, что этот роман в чужом мире обречён и долго не продлится. Но именно сейчас ему хотелось забыть обо всех условностях, долге и здравом смысле.

Ведь любить и быть любимым в ответ — это и есть самое настоящее, чистейшее счастье.

<http://bllate.org/book/20582/2132714>